Бунин И.А. 83 мсб 14.10.95.

22 октября — 125 лет со дня рождения И.А. Бунина

Великая гора был Царь Иван

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат поэту Дон-Аминадо. Он преклонялся перед гением Ивана Бунина — и не он один. Уже при жизни Бунин был удостоен титула "последний классик". Великие современники, среди которых — Ромен Роллан, Томас Манн, Р.-М. Рильке, называли его гениальным художником, приравнивая бунинскую прозу к произведениям Толстого и Достоевского. Время только подтвердило эти высокие оценки. И можно лишь сожалеть, что для нескольких поколений наших соотечественников — целых 35 лет! — творчество Бунина было закрыто. Он не принял Октябрьскую революцию, до конца жизни считал ее проклятием для России, "окаянными днями", и простить этого ему долго не могли. Только во времена Хрущева книги великого россиянина вновь начали издавать на его Родине — это стало праздником для всей читающей России.

Последний классик

Несколько лет назад в Москве на Поварской улице на доме N 26, где И.А. Бунин со своею женою В.Н. Муромцевой жил последние месяцы перед эмиграцией, была открыта мемориальная доска. Тогда же прозвучала идея, что недурно бы к ближайшей круглой дате, то есть к 125-летию, установить в столице памятник писателю. Тем более, Бунин, хотя родился и не в Москве, это московский писатель. Он здесь долго жил, он печатался в московских изданиях, был постоянным участником знаменитой "Среды", наконец, в 1906 году в Москве же он познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, с которой счастливо прожил без малого полвека. К слову сказать, неподалеку от того места, где Бунин впервые встретился с Верой Николаевной, недавно установили памятник А.А. Блоку, который имел к Москве отношение весьма отдаленное. Впрочем, сетовать на то, что *неблагодарная Россия* одним своим талантам воздвигает монументы, а других едва помнит, было бы, наверное, нелепо.

«Я слишком поздно родился»

Бунину выпало пройти очень долгий творческий путь. Но, несмотря на многие издания его сочинений, особенно в последние годы, он так и не стал в своем народе *повсесердно утвержден*. Справедливо сказано о Хлебникове, что он был поэтом для *поэтов*. Но, может быть, еще в большей мере это изречение справедливо по отношению к Бунину-прозаику.

До эмиграции Бунин не знал такой популярности среди читающей публики, какую имели некоторые его современники — А. Чехов, М. Арцыбашев, М. Горький, А. Куприн. Л. Андреев и даже почти забытый теперь С. Скиталец. Во Франции, будучи уже нобелевским лауреатом, Бунин не смел и мечтать о тиражах, которыми выходили сочинения П. Краснова, Н. Брешко-Брешковского, М. Алданова, В. Набокова. И в наше время Бунин остается писателем *для немногих*, что подтверждает конъюнктура книжного рынка. А проза его часто становится материалом для текстологических исследований или даже для научных опытов, как это сделал в своей книге "Психология искусства" Л. Выготский.

Но такое положение Бунина в русской литературе обусловлено не только особенностями его филологически наукоемкой прозы. В значительной степени это было и остается по сей день оттого, что сам Иван Алексеевич старательно и последовательно распространял миф о своем врожденном (в крови самой) барстве, которое якобы отягощало его жизнь среди безродных масс постдворянской индустриальной эпохи. "Я слишком поздно родился", — часто сокрушался *последний классик*. И этот миф о Бунине, как о человеке *социально далеком* от своих современников, а тем более от читателя нашего времени, прочно за ним закрепился.

Лучше всех характер Бунина поняли окружающие его женщины-писательницы. Но даже после выхода в свет воспоминаний Н. Берберовой, И. Одоевцевой, З. Шаховской, где от бунинского "барства" не остается камня на камне, многие исследователи жизни и творчества писателя продолжают упорно твердить о его голубой крови и о его безмерно обостренном благородстве, которые, как гигантские крылья у альбатроса, мешают ему жить обычною жизнью земных тварей и заставляют его вечно парить над суетою мира.

Капризы великана

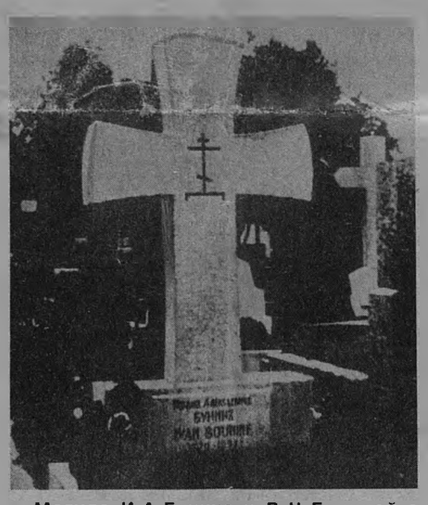
А между тем Бунин при всем том, что он действительно принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему "от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу", был вполне обычным для своего времени человеком, да еще со множеством слабостей и рядом недостатков, что, разумеется, никоим образом не должно влиять на отношение читателей к его творческому наследию. Равно как не должно влиять на это и мифическое бунинское "барство".

Его ближайший друг в эмиграции писатель Борис Зайцев в воспоминаниях своих очень удивляется, как в Бунине дворянство уживалось с простонародными, подчас низменными инстинктами. Изображая из себя патриция, Бунин нередко попадал в смешные или даже конфузные ситуации.

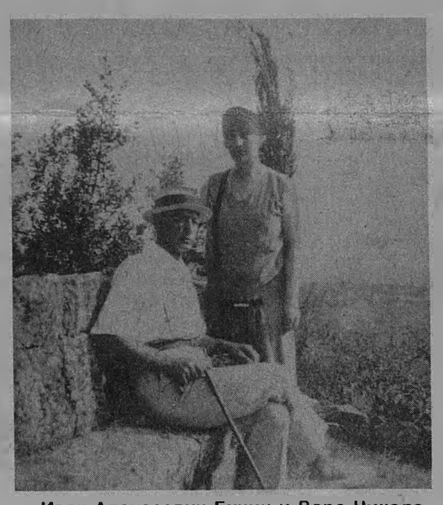
Однажды Бунин и Зинаида Шаховская сидели вместе в одном парижском ресторане. Не успели подать ему первое блюдо, как Иван Алексеевич брезгливо поморщился и потребовал, чтобы его заменили. Шаховская (княгиня, кстати) уже довольно знала о бунинских чудачествах и не впервые присутствовала на такой комедии, поэтому она сразу ему сказала: "Если будете капризничать, я немедленно уйду. Придется вам тогда обедать в одиночестве. Вы ведь это просто так!" И тут, совсем не рассердившись, Бунин ответил: "Ишь вы какая строгая, нобелевского лауреата ругаете", — и, сразу развеселившись, принялся за еду.

Бунин вообще вел себя за столом эпатирующе. Самое невинное, что он мог выкинуть, это вдруг молча встать и уйти, оставляя сотрапезников в полнейшем замешательстве. Еще у него была привычка демонстративно нюхать некоторые яства. Например, он брал на вилку ломтик колбасы, тщательно вынюхивал его, проверяя, вероятно, добросъедобность продукта, а затем в зависимости от результата экспертизы, либо отправлял его в рот, либо, опять же брезгливо поморщившись, клал колбасу на место. Можно себе вообразить, как же, наверное, в последнем случае чувствовали себя окружающие!

Галина Кузнецова — его последняя любовь.



Могила И.А.Бунина и В.Н.Буниной в Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем.



Иван Алексеевич Бунин и Вера Николаевна Бунина в Грассе.

«Все думали, что это крокодил...»

Пищевкусовая тема занимала в жизни Бунина особое место. Великий писатель был не без греха чревоугодия. Разумеется, камень в него по этому случаю никто бросить не посмеет, ибо редкий здоровый человек может похвастаться отсутствием у него такого греха. Но Иван Алексеевич заходил еще дальше. В суровую пору войны он со своим многочисленным (с учетом приживальцев) домом голодал на юге Франции. И однажды ночью академик Бунин покусился на внутрисемейную кражу. Когда все уснули, он прокрался к буфету и полностью уничтожил, т.е. попросту съел, домашние мясные запасы, исчисляющиеся фунтом ветчины. К этому продукту Иван Алексеевич был особенно неравнодушен. Нина Берберова вспоминает, как вскоре после войны она устроила у себя небольшую вечеринку. Даже в Париже в то время с продовольственным обеспечением было не все в порядке. Поэтому она очень тоненько нарезала хлеб по числу гостей и положила сверху совсем уж прозрачные кусочки все той же ветчины. Но пока гости замешкались где-то в других помещениях, Бунин прошел в столовую и съел всю ветчину, аккуратно отделив ее от хлеба.

Как-то еще до эмиграции Бунин пришел к знакомым. Была Пасха. Хозяева великолепно накрыли стол, но сами куда-то вышли. Может быть, в церковь пошли. Бунин, не долго думая, сел разговляться. Окончив трапезу, он ушел, но как человек высокопорядочный оставил хозяевам на столе записку с шуточными стихами:

...Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки,
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

Иван Алексеевич попадал в ситуации, в которые может попасть только человек с совершенно определенными душевными свойствами. Почти невозможно представить, чтобы такое случилось с Мережковским, с Зайцевым или с Алдановым.

Бунин вовсе не избегал использовать в речи своей бранные слова и выражения. Однажды он со спутником ехал в парижском такси. А в 20—30-е годы среди парижских таксистов было немало русских эмигрантов. В основном бывших офицеров. Бунин был чем-то взбешен, что случалось с ним нередко, а посему гневные тирады его изобиловали родной матерщиной. Когда они выходили из машины, шофер вдруг по-русски спросил Бунина: "Вы, сударь, должно быть, из наших, из армейских?" На что Бунин отвечал: "Нет. Я академик по разряду изящной словесности". Это была чистая правда. Он с 1909 года являлся почетным академиком Российской Академии наук.

В нобелевский день

Очень много любопытных историй, приключившихся с Буниным, записал или рассказал его близкий знакомый журналист и писатель Андрей Седых, который в 1933 году был аккредитован парижской газетой "Последние Новости" в Стокгольм освещать Нобелевские мероприятия. Как известно, в 1933 году нобелевским лауреатом в области литературы стал И.А. Бунин.

Бунин очень плохо знал по-французски. Это при всем том, что он был столбовым дворянином и академиком. О других языках и вовсе нет речи. По-французски же он мог вести лишь несложные беседы.

Нобелевская церемония требует от участников неукоснительного соблюдения буквы этикета. Каждый жест, поклон, каждое слово — очень многое здесь значат. На Нобелевской церемонии всякий жест — это исторический жест, всякое слово — историческое слово. О каждом из них потом будут шуметь газеты, а очевидцы напишут воспоминания. Бунина сравнивали с римским патрицием недаром. Он умел при необходимости держать себя в обществе величественно. Многие даже не могли позволить себе заговорить с ним первыми. Когда шведский король вручал Бунину Нобелевский диплом, лауреат отвесил монарху поклон такого изящества и достоинства, такого благородства, что собравшимся показалось, будто встретились два короля.

Поблагодарить короля Бунин должен был по-английски, то есть сказать: "Thank you". После этого лауреат читал короткую речь по-французски.

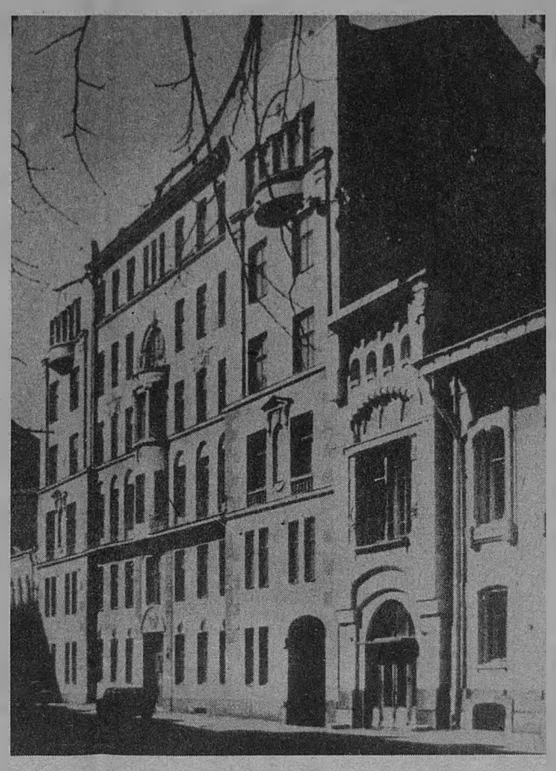
Андрей Седых владел в совершенстве и тем, и другим языками. Накануне церемонии они с Иваном Алексеевичем упражнялись в произношении английских слов благодарности. Эта короткая фраза произносится действительно не так-то легко. Начинается она характерным английским звуком, не имеющим аналога в русском языке. Бунин под руководством Андрея Седых с переменным успехом постигал азы английского языка. Не сразу ему удалось произнести заветные слова так, как того требуют нормы языка столь любимых им Джерома и Голсуорси. Иван Алексеевич говорил и "фэнк ю", и "зенк ю", и "тэнк ю". Наконец Седых услышал из уст почтенного мэтра наиболее приемлемый вариант и отступился от подопечного.

В большом здании, украшенном шведскими флагами, состоялась церемония. Четверо лауреатов сидели на эстраде на стульях с высокими спинками. В партере первые два ряда золоченых кресел для короля и двора. За ними дипломаты, семья Нобель, родные и близкие лауреатов, другие гости. Настала очередь Бунина подойти к королю. Все встали, в зале воцарилась тишина. Бунин спустился с эстрады и подошел к королю. Густав V протянул диплом и футляр с медалью, затем пожал ему руку и сказал несколько слов. Счастливый лауреат кланяется королю тем знаменитым старомодным поклоном, о котором потом много напишут, и отвечает: "Мефси". Рукоплескания прерывают их разговор.

Этот маленький эпизод Андрей Седых не упоминает в книге "Далекие, близкие", в которой он, между прочим, подробно описывает нобелевские дни Бунина. Возможно, ничего подобного и не было. Возможно, этот анекдот Седых сочинил. Но это слишком похоже на Бунина. Это слишком в духе Бунина.

Истинно русская душа

Подобные примеры отнюдь не рисуют полной картины жизни Бунина. Верно заметил Зайцев о феноменальном сочетании в Бунине барства и не самых благородных свойств. И если писать о его добродетелях, то можно было бы припомнить, как в годы войны Бунин, рискуя жизнью, укрывал в своем грасском доме евреев, или как он менее чем за два года буквально раздал свою Нобелевскую премию всем нуждающимся, кто бы у него ни попросил, или как он отверг щедрые посулы советских эмиссаров, предпочитая умереть на рваных простынях, но остаться верным идее, нежели привести новым правителям России дополнительный политический капитал. И таких примеров можно было бы привести множество.



Поварская, 26 (Воровского). Здесь Бунины жили с 26 октября 1917-го до 21 мая 1918 года.

Может быть, в Бунине потому и сосуществовали, казалось бы, столь несовместимые ипостаси, что слишком широка была его душа. Душа истинно русского человека.

А в то время, пока Москва довольствуется лишь скромной мемориальной доской великому, всем миром признанному нашему писателю, на малой родине Бунина — в Ельце — в сентябре этого года ему был-таки установлен памятник. От благодарной России.

Юрий РЯБИНИН.

Фотографии этой страницы "Вечернему клубу" любезно предоставило издательство "Московский рабочий". К 125-летию И.А.Бунина здесь выходит восьмитомное собрание его сочинений — наиболее полное из всех выходивших до сих пор.

Славные имена России

У каждого великого — своя легенда. Бунин в обществе, приятном ему, был живым, обаятельным, неистощимым в веселье человеком, но знаменитыми сделались его "желчность" и "сухость". Ну что ж, характер у Ивана Алексеевича действительно был сложный, не зря он любил повторять: "Я не червонец, чтобы всем нравиться". И суждения его о людях, которых он знал или наблюдал, метки, ироничны, часто откровенно язвительны. Хотя, возможно, и не всегда справедливы. А интересны они прежде всего тем, что это тоже штрихи к портрету самого Бунина.

Что он говорил о современниках

О Льве Толстом

— Вы знаете, при всей его гениальности Лев Толстой не всегда безупречен как художник. Есть у него много сырого, лишнего. Мне хочется в один прекрасный день взять, например, его "Анну Каренину" и заново ее переписать. Не написать по-своему, а именно переписать — если будет позволено так выразиться, — переписать набело, убрав все длинноты, кое-что опустить, кое-где сделав фразы более точными, изящными, но, разумеется, нигде не прибавляя от себя ни одной буквы, оставив все толстовское в полной неприкосновенности. Может быть, я это когда-нибудь сделаю, разумеется, как опыт, исключительно для себя, не для печати. Хотя глубоко убежден, что отредактированный таким образом Толстой — не каким-нибудь Страховым, а настоящим, большим художником — будет читаться еще с большим удовольствием и приобретет дополнительно тех читателей, которые не всегда могут осилить его романы именно в силу их недостаточной стилистической обработки.

О Чехове

У Чехова каждый год менялось лицо:
В 79 году по окончании гимназии: волосы на прямой ряд, длинная верхняя губа с сосочком.
В 84 году: мордастый, независимый; снят с братом Николаем, настоящим монголом.
В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: губастый, башкирский малый.
В 90 году: красивость, смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку.
В 92 году: типичный земский доктор.
В 97 году: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно в упор.
А потом: какое стало тонкое лицо!

О Леониде Андрееве

Заглавие пьесы "На дне" принадлежит Андрееву. Авторское заглавие было хуже: "На дне жизни". Однажды, выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами твердо и настойчиво:

— Заглавие — все. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаху. Вот написал человек пьесу. Показывает мне. Вижу: "На дне жизни". Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: "На дне". И все. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая. Что было бы, например, если бы я вместо "Жизнь человека" брякнул: "Человеческая жизнь"? Ерунда была бы. Пошлость. А я написал: "Жизнь человека". Что, неправду я говорю? Я люблю, когда ты мне говоришь, что я "хитрый на голову". Конечно, хитрый. А вот что ты похвалил мою самую элементарную вещь "Дни нашей жизни", никогда тебе не прощу. Почему похвалил? Хотел унизить мои прочие вещи. Но и тут: плохо разве придумано заглавие? На пять с плюсом. <...>

О Брюсове

Вскоре после нашего знакомства Брюсов читал мне, лая в нос, ужасную чепуху:

О, плачьте,
О, плачьте
До радостных слез!
Высоко на мачте
Мелькает матрос!

Лаял и другое, нечто уже совершенно удивительное, — про восход месяца, который, как известно, называется еще и луною:

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне!

Впоследствии он стал писать гораздо вразумительнее, несколько лет подряд развивал свой стихотворный талант неуклонно, достиг в версификации большого мастерства и разнообразия, хотя нередко срывался и тогда в дикую словесную неуклюжесть и полное свинство изображаемого:

Альков задвинутый,
Дрожанье тьмы,
Ты запрокинута,
И двое мы...

О Бальмонте

Что до Бальмонта, то он своими выкрутасами однажды возмутил даже Гиппиус. Это было при мне на одной из литературных "пятниц" у поэта Случевского. Собралось много народу, Бальмонт был в особенном ударе, читал свое первое стихотворение с такой самоупоенностью, что даже облизывался:

Лютики, ландыши, ласки любовные...

Потом читал второе, с отрывистой чеканностью:

Берег, буря, в берег бьется
Чуждый чарам черный челн...

Гиппиус все время как-то сонно смотрела на него в лорнет и, когда он кончил и все еще молчали, медленно сказала:

— Первое стихотворение очень пошло, второе — непонятно.

Бальмонт налился кровью:

— Пренебрегаю вашей дерзостью, но желаю знать, на что именно не хватает вашего понимания?

— Я не понимаю, что это за челн и почему и каким таким чарам он чужд, — раздельно ответила Гиппиус.

Бальмонт стал подобен очковой змее:

— Поэт не изумился бы мещанке, обратившейся к нему за разъяснением его поэтического образа. Но когда поэту докучает мещанскими вопросами тоже поэт, он не в силах сдержать своего гнева. Вы не понимаете? Но не могу же я приставить вам свою голову, дабы вы стали понятливей!

— Но я ужасно рада, что вы не можете, — ответила Гиппиус. — Для меня было бы истинным несчастием иметь вашу голову...

Об Алексее Толстом

В эмиграции, говоря о нем, часто называли его то пренебрежительно, Алешкой, то снисходительно и ласково, Алешей, и почти все забавлялись им: он был веселый, интересный собеседник, отличный рассказчик, прекрасный чтец своих произведений, восхитительный в своей откровенности циник; был наделен немалым и очень зорким умом, хотя любил прикидываться дураковатым и беспечным шалопаем, был ловкий рвач, но и щедрый мот, владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал, как очень немногие... Вел он себя в эмиграции нередко и впрямь "Алешкой", хулиганом, был частым гостем у богатых людей, которых за глаза называл сволочью, и все знали это и все-таки прощали ему: что ж, мол, взять с Алешки!

В последний раз я случайно встретился с ним в ноябре 1936 года, в Париже. Я сидел однажды вечером в большом людном кафе, он тоже оказался в нем, — зачем-то приехал в Париж, где не был со времени отъезда своего сперва в Берлин, потом в Москву, — издалека увидал меня и прислал мне с гарсоном клочок бумажки: "Иван, я здесь, хочешь видеть меня? А.Толстой". Я встал и прошел в ту сторону, которую указал мне гарсон. Он тоже уже шел навстречу мне и, как только мы сошлись, тотчас закрякал своим столь знакомым мне смешком и забормотал. "Можно тебя поцеловать? Не боишься большевика?" — спросил он <...> и с такой же откровенностью, той же скороговоркой и продолжал разговор еще на ходу:

— Страшно рад видеть тебя и спешу тебе сказать, до каких же пор ты будешь тут сидеть, дожидаясь нищей старости? В Москве тебя с колоколами бы встретили, ты представить себе не можешь, как тебя любят, как тебя читают в России...

Я перебил, шутя:

— Как же это с колоколами, ведь они у вас запрещены.

Он забормотал сердито, но с горячей сердечностью:

— Не придирайся, пожалуйста, к словам. Ты и представить себе не можешь, как бы ты жил, ты знаешь, как я, например, живу? У меня целое поместье в Царском Селе, у меня три автомобиля... У меня такой набор драгоценных английских трубок, каких у самого английского короля нету... Ты что ж, воображаешь, что тебе на сто лет хватит твоей Нобелевской премии?

О Блоке

— Не понимаю, что находят хорошего в этих самых "Двенадцати" и до какой меры падения мог дойти поэт, состряпавший эти вульгарные, дубовые частушки, — отрывисто сказал Бунин, передернув плечами, — Ванька с Катькой в кабаке, у ей керенки есть в чулке... До такого падения еще никогда не доходила русская литература. А ведь этот поэт — хотя он и всегда был манерный, но все же поэт — когда-то писал стихи о мадонне, о Прекрасной Даме "в сиянии красных лампад"... И потом, что это за Иисус Христос в белом венчике из роз? Он, вероятно, хотел сказать в веночке. Венчик — это не веночек, а совсем другое. Тут даже нет элементарного чутья русского языка. Типичнейший модернизм!

О себе

Однажды Бунин на мой вопрос, к какому литературному направлению он себя причисляет, сказал:

— Ах, какой вздор все эти направления! Кем меня только не объявляли критики: и декадентом, и символистом, и мистиком, и реалистом, и неореалистом, и богоискателем, и натуралистом, да мало ли еще каких ярлыков на меня не наклеивали, так что в конце концов я стал похож на сундук, совершивший кругосветное путешествие, — весь в пестрых, крикливых наклейках. А разве это хоть в малейшей степени может объяснить сущность меня как художника? Да ни в какой мере! Я — это я, единственный, неповторимый — как и каждый живущий на земле человек, — в чем и заключается самая суть вопроса.

Из биографических заметок Ивана Бунина и книги Валентина Катаева "Трава забвенья".